

УДК 008

Ю. Д. ГРАНИН,

доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института философии РАН;
Россия, г. Москва.
e-mail: maily-granin@mail.ru

«ВАРВАРСТВО» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН И КАТЕГОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АНАЛИТИКИ

*Окончание*¹

Аннотация. Одной из характерных черт современного научного дискурса является метафоризация понятия «варварство»: наделение его многими, изначально не свойственными ему значениями. В настоящей статье предпринята попытка вернуть «варварство» в пространство научной аналитики, рассмотрев его как «свое иное» цивилизации в контексте социальной эволюции человечества. То есть как исторический феномен и соответствующую ему категорию теории социальной эволюции. В контексте всемирной истории человечества, аргументирует автор, его социальная эволюция имела возвратно-поступательный характер: характер сосуществования и смены состояний и типов развития сообществ людей, воплощавших разные формы общественного производства, формы совместной жизни и соответствующие им разные стратегии жизнедеятельности: архаичную, варварскую и цивилизованную.

Ретроспективно архаичные, варварские и цивилизованные общности, осуществлявшие разные стратегии жизнедеятельности, могут быть рассмотрены как простая линейная последовательность следующих друг за другом форм социальной эволюции. Но история свидетельствует об обратном: начиная с момента появления первых цивилизаций они существовали и развивались совместно. И в череде этих, существовавших совместно типов развития, варварство занимало, по мнению автора, промежуточное положение, являя собой переходную (лиминарную) форму движения от совокупности архаических сообществ к цивилизованным.

Начиная с новой эры эти совокупности образовывали варварский и цивилизованный миры, которые перетекали друг в друга. Реконструкции диалектики евразийского «варварства» и «цивилизации», анализа «варварства» как специфического типа социального существования и «варвара» как особого типа человека, с характерным для него типом психики, системой усвоенных с детства и неосознаваемых моделей поведения (хабитусом) и этосом, посвящена заключительная часть работы.

Ключевые слова: варварство, государство, состояния развития, общество, цивилизация, эволюция.

¹ Начало статьи см.: «Журналист. Социальные коммуникации», 2026, № 1.

Yu. D. GRANIN,

D.Sc. in Philosophy, Professor,
Leading Researcher at the Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences;
Moscow, Russia.
e-mail: maily-granin@mail.ru

«BARBARISM» AS A HISTORICAL PHENOMENON AND A CATEGORY OF SOCIAL ANALYSIS

Abstract. *One of the characteristic features of modern scientific discourse is the metaphorization of the concept of “barbarism”: endowing it with many meanings that were originally alien to it. This article attempts to reintroduce “barbarism” into the realm of scientific analysis by examining it as “its other” to “civilization” in the context of human social evolution. That is, as a “historical phenomenon” and its corresponding “category” within the theory of social evolution. In the context of global human history, the author argues, human social evolution has been reciprocal: a pattern of coexistence and alternating states and development patterns among communities of people embodying various forms of social production, forms of communal life, and corresponding life strategies: archaic, barbaric, and civilized.*

Retrospectively, archaic, barbaric, and civilized communities, pursuing different life strategies, can be viewed as a simple linear sequence of successive forms of social evolution. But history testifies to the contrary: from the moment the first civilizations emerged, they coexisted and developed. And in the sequence of these coexisting states of development, “barbarism”, according to the author, occupied an intermediate position, representing a transitional (liminary) form of movement from a set of archaic communities to civilized ones.

Beginning in the new era, these groups formed “barbarian” and civilized worlds, which flowed into each other. The final section of the work is devoted to reconstructing the dialectic of Eurasian «barbarism» and “civilization”, analyzing “barbarism” as a specific type of social existence and the “barbarian” as a distinct type of human being, with a characteristic mentality, a system of behavioral patterns (habitus) learned from childhood, and an ethos.

Keywords: *barbarism, state, states of development, society, civilization, evolution.*

ВАРВАРСКИЙ МИР И МИР ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В чем зафиксированное источниками и продемонстрированное историей отличие варварских обществ от цивилизованных?

Как уже отмечалось, оно заключалось в более простой социополитической и социокультурной организации этих человеческих коллективов, в составе которых, во-первых, не было юридически оформленного института частной собственности, экономических классов, но формировались военные и жреческие сословия. Во-вторых, хотя существовало развитое

ремесленное производство глиняной и керамической посуды, металлов, сельскохозяйственных и иных железных орудий, оружия и украшений, отсутствовали профессиональные виды деятельности по производству знаний, технологий (в том числе социальных) и технических устройств. Не было школ и иных институтов систематического образования соплеменников. Но главное, *не существовало развитой формы государственного устройства совместной жизни* с характерным для него разделением законодательной, исполнительной и судебной власти и управленческим аппаратом легитимного насилия в виде образованных бюрократов (писцов, управляющих, чиновников), специальных отрядов, выполняющих полицейские функции, и профессиональной армии. Управление осуществляется советами старейшин и выборными вождями, власть которых поддерживается не столько насилием, сколько личным авторитетом: личной доблестью и практикой регулярных одариваний соплеменников. То есть доминируют демократические формы правления в виде «сложных вождеств», «ранних государств» и их аналогов².

Но главное отличие варварства от цивилизации заключалось в специфическом типе варварского существования, которое можно охарактеризовать как *номадную стратегию жизнедеятельности*.

В плане освоения природной среды своего обитания варварские общества в большей степени ориентировались не на ее инновационное воспроизводство и сохранение посредством использования возможностей государства (т. е. «политическую экономику» в терминологии А. Джонсона и Т. Эрла), а на унаследованную из ранней первобытности эксплуатацию природных ресурсов, характерную для охотников и собирателей. Они, как известно, вели кочевой образ жизни, постепенно переходя к оседлому. Но *номадная стратегия жизнедеятельности даже у оседлых архаиков (варваров) северо-западной Евразии (т. е. стратегия жизни охотника и кочевника, не ориентированного на накопление материальных и культурных ресурсов, а предпочитающего забирать все в готовом виде)*, еще долго продолжала сохраняться в условиях постоянных контактов архаичного мира с миром поздних (классических) цивилизаций.

Причина — отсутствие тех культурных и психологических качеств, которые необходимы для ведения сложного производящего хозяйства и жизни в рамках государства. Не имея их, варвар, тем не менее, желает иметь то, чем не может себя обеспечить: блага цивилизации, большинством из которых он не в состоянии воспользоваться. Отсюда жесточайший парадокс: завоевывая цивилизации, ранние варвары не стремились к культурным заимствованиям, а просто жгли и грабили, обращая пленников в рабов для общественных и домашних нужд, последующей перепродажи или выкупа. По-видимому, *они руководствовались принципом, характерным для простых обществ: эксплуатировать проще, чем созидать*.

² Раннее государство, его альтернативы и аналоги / под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Волгоград : Учитель, 2006.

Могут возразить, что эксплуатация испокон века и до наших дней была присуща и государствам-цивилизациям. Но был, как говорится, один нюанс. Колонизируя или завоевывая новые территории, греческие полисы, Александр Македонский, римские императоры (а значительно позже Великобритания, Франция, Испания и другие империи уже Нового времени) помимо целей экономической эксплуатации всегда руководствовались мессианским порывом: стремились политически (за счет предоставления прав гражданства) и культурно ассимилировать покоренные ими народы, включив тем самым их в «материнскую цивилизацию». В этих целях новые территории преобразовывались по образу и подобию метрополий: прокладывались дороги, возводились города со всеми атрибутами цивилизованной жизни: водопроводами, фонтанами, дворцами, школами, библиотеками... Так создавались империи, бывшие наилучшими политическими формами распространения цивилизационных моделей жизни на большие расстояния³. Именно в империях *становился возможным социокультурный резонанс*: наложение и взаимное усиление некоторых базовых идей из состава «культурных ядер» варварства и цивилизации, имеющих для них мировоззренческий смысл. Шла взаимная культурная адаптация, которая, надо полагать, наталкивалась на много препятствий. Попадая из лесов и степей в имперское городское пространство совместной жизни, варвары эпохи Великого переселения народов, вероятно, испытывали культурный шок и сложное чувство ресентимента (одновременной зависти, негодования и обиды), которое мешало конвергенции цивилизованного и варварского миров в Евразии первой половины I тыс. н. э.

Усиливало дихотомию «варварство — цивилизация» стремление Рима и Древнего Китая отгородиться от варваров «лимесом» и Великой стеной. Однако «факт установления подобных препятствий придавал силу прежде всего племенному миру, формируя у «варваров» чувство единства, ибо вводимые ограничения замыкали пространство варварского мира и усиливали в нем коммуникативные процессы»⁴. И одновременно, добавлю, поддерживали стремление варваров овладеть общественными благами цивилизации самым простым — насильственным способом. Что, в свою очередь, рождало неоднозначное отношение варвара к цивилизации.

ОТНОШЕНИЕ ВАРВАРА К ЦИВИЛИЗАЦИИ

Кратко говоря, это отношение было амбивалентным. С одной стороны, цивилизация для варвара вожделенна, так как рождает желанные и необходимые блага, которых нет в его архаичном мире. С другой стороны, цивилизация смертельно опасна, так как несет смерть варвару. *Она уничтожает варвара как исторически особый (переходный) культурный тип, перемалывает и разьедает варварский мир*. Так бывает и было почти всегда при встрече культур разной степени сложности: как правило, более сильная культура

³ Гранин Ю. Д. Бесконечная имперскость России. Цивилизационное измерение // Вопросы философии. 2022. № 9. С. 76–85.

⁴ Буданова В. П. Варвары и варварство в антропологии цивилизаций // Цивилизация и варварство. Вып. 1. Трансформация понятий и региональный опыт. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 19.

деформирует более примитивные, обесценивая почти все, чем живет племя в лоне архаической культуры. Аборигены теряют смысл жизни, начинают вымирать. Таковой была судьба многих малых народов и архаических племен, столкнувшихся с цивилизацией. Однако судьба варварского мира эпохи Великого переселения народов складывалась иначе. Варварские общества той эпохи стремились сохранить свою социокультурную целостность и, ассимилировав отдельные элементы цивилизации, создавали сообщества, долгое время способные противостоять последней.

В глобальном историческом контексте социальной эволюции варварство, как уже отмечалось, было лишь переходной (паллиативной) формой ассимиляции цивилизации, осуществлявшейся через перманентные конфликты. Но этот исторический смысл варварства как альтернативы цивилизации, разумеется, не осознавался историческими субъектами той эпохи.

Варвар «вторичной архаики», отмечают культурологи, воспринимает чуждый ему мир цивилизации как альтернативу собственному, а потому использует культурный ресурс цивилизации не по значению, бездумно растрачивая его или используя его особым — презрительно-враждебным способом. Более того. Для варвара, утверждает И. Г. Яковенко, *«прожигание цивилизационного ресурса — врожденная, органическая потребность. Разрушая и подвергая насильственной деградации среду цивилизации, варвар самоосуществляется, переживает высшие, сладостные мгновения своей жизни, реализует глубинную экзистенциальную потребность. Если для человека цивилизации естественно постоянно и бесконечно упорядочивать мир, наращивать созданную человеком среду на всех уровнях и во всем диапазоне своего самоосуществления, то варваром движет потребность хаотизировать, разрушить чересчур продуманный, упорядоченный, слишком удобный, аккуратный, незагаженный мир цивилизации. В сознании варвара звучит древний завет архаической культуры, согласно которому культурный ресурс — жесткий и абсолютно минимальный набор вещей и идей. Все же, что сверх этого: опасная блажь, ненужная и враждебная природе человека. Снижение уровня сложности инокультурной среды — способ освоения, «очеловечивания» пространства, разновидность особого, варварского упорядочивания. Подвергая насильственной деградации пространство иной культуры, варвар превращает отчужденное и враждебное в свое и родное... Как и доисторический человек, варвар несет глубоко архаические, природные по своему характеру принципы в сферу этики и социальных отношений — стратегию хищника, право сильного, законы стаи, т. е. зоосоциологические принципы социального структурирования. В его сознании цивилизация занимает место природы, она переживается как объект охоты и собирательства»⁵* (курсив мой. — Ю. Г.).

В этом высказывании много верного. Однако, на мой взгляд, выделенные курсивом квалификации варвара и варварской стратегии жизни как антиподов цивилизованному человеку и цивилизованному образу жизни являются

⁵ Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России. Ст. I. Варварство: социологическая модель // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 72.

излишне прямолинейными и резкими, отказывая, например, варвару в чувстве прекрасного. Как будет показано далее варвар как антропологический тип (тип человека) не был лишен ни эстетического, ни нравственного отношения к действительности. Но верно то, что в целом вещный мир цивилизации рассматривается древним варваром, впервые столкнувшимся с иными формами совместной жизни и культуры, одновременно и как вожделенный, и как непонятный и опасный. Отсюда известное отношение европейских варваров (гуннов, вандалов и др.) к объектам высокой культуры Рима, которые воспринимались ими как имеющие магический смысл. А потому их надо было либо уничтожить, сломать, либо использовать не по назначению. Но даже подвергнувшись первичной аккультурации варварский мир не прекратил эксплуатировать цивилизацию, хотя, надо признать, эта эксплуатация была взаимной. Несмотря на известную степень «окультуривания» варваров, их набеги и грабежи не прекращались, а даже усиливались.

По мнению некоторых исследователей, это вызвано тем, что чем «шире объем усвоенного инокультурного материала, тем выше агрессивность варварского общества»⁶. Это спорный тезис. Однако, возможно, на него работал и общеисторический закон опережающего роста производительности труда роста народонаселения. Регулировать избыточное население можно было за счет миграций, завоеваний и дани. Именно так, за счет набегов и дани, которая взималась главным образом с более богатых цивилизованных соседей, жили варварские сообщества различного типа, некоторые из которых в труднодоступных местах сохранялись в Индии, Китае и России вплоть до недавнего времени (см. Приложение 1).

В значительной мере этот способ существования в качестве доминирующей стратегии жизни был обусловлен потестарным (от *лат.* *potestas* — власть, мощь), т. е. догосударственным, родоплеменным характером организации совместной жизни, в котором властные отношения были основаны на личном авторитете предводителей — старейшин и вождей. Вокруг последних формировалось военизированное сословие на основе личной преданности вождю, которое принято называть «дружиной»: корпорацией профессиональных воинов, из которых формировалась военно-служилая знать тех времен⁷. Эта архаичная система властвования над соплеменниками, воплотившаяся в политическом институте вождества, базировалась на архаичной экономике, которую можно охарактеризовать как *экономику дара*.

Она, повторим, принципиально отличалась от «политической экономики» накопления и сохранения прибавочного продукта зрелых (цивили-

⁶ Яковенко И. Г. Указ. соч. С. 68.

⁷ Из сочинений Тацита о германских дружинах можно извлечь главные особенности этой военно-служилой знати древней Германии: 1) дружина — постоянный социальный слой, существовавший и в мирное время; 2) дружинники связаны со своим вождем отношениями личной верности, проживают при своем предводителе и находятся на его содержании; 3) внутри дружины существует определенная иерархия; 4) средствами существования дружины являлись военная добыча и приношения соплеменников (см.: *Тацит Корнелий*. Соч.: В 2 т. Л., 1970. Т. 1. С. 359–360.). Более того. По мнению Кардини, германские дружины формировались из воинов разных племен, а потому их можно характеризовать как «воинские интернационалы» (См.: *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. С. 108).

зованных) государств, так как представляла форму сохранения социальной системы относительного имущественного равенства. С появлением избыточного продукта, получаемого евразийскими архаиками за счет набегов и дани у цивилизованных соседей, эта система начала деградировать. В ответ на это уже во времена раннего варварства складываются традиции (обычаи) дележа добычи, обязательных пиров и общеплеменных праздников, в ходе которых «бигмэны» (уважаемые люди) наделяли дарами соплеменников, а военные вожди (а позже и благороднорожденные — аристократы) раздаривали награбленное имущество своим дружинам. *Смысл варварского пира — обмен добычи на социальный престиж, уважение соплеменников.* В превращенной форме этот обычай как массовое явление (вместе с обычаем набега, распространенным среди объединенных в мужские союзы молодых воинов и у горских князей) сохранялся на Центральном и Северном Кавказа вплоть до третьей четверти XIX века⁸. А система регулярных праздников у народов Полинезии и Микронезии, а также у североамериканских индейцев Канады культивировалась и в XX столетии. Последние практиковали так называемый потлач. В соответствии с ним «бигмэн» или вождь на празднике буквально расточает, уничтожает нажитое годами, обменивая свое имущество на социальный престиж. Там существует даже поверие, что «вождь должен умереть бедным» (см. Приложение 2).

Однако вернемся в эпоху евразийского варварства периода I–VI веков и отметим, что редуцировать его лишь к односторонней эксплуатации варварскими племенами и их союзами сопредельных им «имперско-цивилизационных комплексов» (термин М. В. Ильина), значило бы серьезно упростить характер взаимодействия варварского и цивилизованного миров эпохи Великого переселения народов. Эти миры перетекали друг в друга: варвары стремились почти во всем подражать своим цивилизованным соседям (в одежде, оружии и даже в экономике⁹), а те, в свою очередь, испытывали обратное трансформирующее воздействие. Так, расширяясь и образуя все новые провинции, греко-римская цивилизация в лице Римской империи эпохи принципата пыталась романизировать покоренных варваров, включая последних (в том числе и за счет предоставления им прав римского гражданства) в состав военной и политической элиты. Результат оказался не предсказуемым: произошло «постепенное демографическое сжатие „основного народа“ империи (италийцев), утрата им доминирующего положения и представительства в кадровом составе государства и его основных институтов»¹⁰. *Оформилась тенденция варваризации и провинциализации элит, опережавшая процесс их романизации.* Даже государственный корпус римских императоров все чаще формировался не из древних патрицианских фамилий, а из инокультурных провинциалов. «И эта тенденция была распро-

⁸ Гутнов М. Х. Эволюция потестарных традиций осетин // NARTAMONG.Æ. 2018. Vol. XIII, № 1, 2. С. 218–248.

⁹ В частности, они даже чеканили свои монеты. Эти монеты, известные как варварские подражания, были несовершенными копиями греческих, римских и византийских оригинальных монет, часто с грубо выполненными изображениями и надписями.

¹⁰ Гранин Ю. Д. Расово-этнический баланс цивилизаций // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н. Э. Баумана. 2024. № 3. С. 43.

странена в сферу гражданской администрации: *властная вертикаль Рима оказалась подвержена серьезной этнокультурной трансформации*»¹¹ (курсив мой. — Ю. Г.). И на территориях Западной Римской империи образовался конгломерат полуцивилизованных варварских королевств, совокупность которых иногда называют «цивилизацией варваров», которая стала началом средневековой христианской Европы. Социально и политически она действительно преобразилась: прежние племенные вожди стали королями, а бывшие дружинники (в соответствии с личными качествами и местом в управленческой иерархии), получив в ленные владения города и значительные территории (феоды), превратились в герцогов, маркизов и графов.

Представленная выше реконструкция диалектики варварства и цивилизации была произведена на основе социологического анализа, в значительной мере игнорирующего субъективную сторону исторического процесса. А она не менее важна, ибо именно люди, и никто иной, являются творцами истории.

АНТРОПОЛОГИЯ ВАРВАРСТВА

Какими же людьми были варвары, о которых их цивилизованные современники эпохи Римской империи оставили очень противоречивые сведения? Большинство этих свидетельств рисуют крайне негативный образ варваров как храбрых, но вероломных, жестоких, хитрых, склонных к праздности и чуждых культуре людей. Но ценностно-смысловое ядро варварского мира — отношение к жизни и смерти, богатству и славе, чести и достоинству — было гораздо сложнее.

Уже в гомеровских поэмах вожди ахейцев описываются как герои, воюющие не столько ради добычи, сколько ради чести и славы: Ахилл, перед которым стоит дилемма — жить без славы или умереть, прославившись в веках, выбирает вторую из этих возможностей. В «Записках о галльской войне» Юлия Цезаря мы находим примеры удивительного свободолюбия и отваги галльского племени гельветов и их соседей. Около трех лет они готовились к походу против римлян: «Когда они сочли себя достаточно подготовленными и снаряженными к походу, *то предали огню все свои города в числе двенадцати, до четырехсот сел и вообще все частные строения; равным образом они истребили весь хлеб, какой не могли с собой взять*; все это они делали с той целью, чтобы, отняв всякую надежду на возвращение, с большей готовностью выносить труды и опасности»¹². О присущем варварам «наслаждении личной независимостью, удовольствии самовластно распоряжаться своею свободою, своими силами, среди всех превратностей мира и жизни... прелести деятельной жизни без труда, стремлении к жизни, исполненной приключений, неожиданностей, перемен, опасностей» пишет и Франсуа

¹¹ Гранин Ю. Д. Расово-этнический баланс цивилизаций.

¹² Цезарь Гай Юлий. Записки о галльской войне. Кн. 1. URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/127699/111379411/&art=127699&user=312290411&uila ng=ru&catalit2&track_reading&fb3_master= (курсив мой. — Ю. Г.).

Гизо¹³. А. М. Оссовская, перечисляя указанные выше качества, присущие «благороднорожденным» мужчинам времен архаической Греции, называет их совокупность «рыцарским этосом»¹⁴.

Последняя квалификация является исторически не точной. Следовало бы говорить о «варварском этосе». А также о специфическом варварском хабитусе¹⁵, опирающемся, по мнению Н. Элиаса, на еще не зарегулированный юридически, а потому более пластичный «психический аппарат» варвара, способствующий большей, чем у цивилизованного индивида, свободе в проявлении спонтанных чувств и страстей¹⁶.

Эта свобода в проявлении чувств и страстей, тотальное неприятие евразийскими варварами дисциплины, как свидетельствуют источники, проявлялась в поведении варваров на поле боя в виде мгновенных переходов от жестокой схватки ко всеобщей панике. Что позволяло римлянам почти всегда одерживать победы, невзирая на то, что действия варваров в бою были устрашающими. Во время боя они приходили в неистовство, сравнимое с яростью сражающего пса или медведя.

Франко Кардини, изучавший истоки средневекового рыцарства — европейские воинские общины и мужские союзы, был поражен одним фактом. «Речь идет, — пишет он, — о превращении (если не в буквальном, то по меньшей мере ритуальном, а также психоповеденческом) воина в дикого зверя... Наши военные лексиконы, да и сама геральдическая символика, унаследованная от античности и средневековья, хранят следы этого древнего „превращения в зверя“»¹⁷. Скандинавские и германские саги красочно живописуют портрет такого воина-зверя. В каком-то смысле это настоящий зверь. «Германский воин, рычащий как медведь, либо надевший на себя собачью голову, как бы на самом деле становился медведем, волком, бешеной собакой. Между ним и животным, с которым он себя отождествлял, устанавливалась симпатико-магическая связь»¹⁸.

Однако эти и многие другие источники явно рисуют односторонний образ варвара и мало говорят о «варварском этосе», регулирующем поведение человека архаических обществ в его отношениях с соплеменниками, врагами и в повседневности.

¹³ Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007. С.24–25. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2874165.

¹⁴ Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987.

¹⁵ Хабитус — формируемая у человека под влиянием внешней ему социокультурной среды совокупность усвоенных с детства привычек и моделей поведения, действующая автоматически (бессознательно) и влияющая на его поведение вне зависимости от осознанных намерений.

¹⁶ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 2. С. 162–164.

¹⁷ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 111.

¹⁸ Кардини Ф. Указ. соч. С. 113.

ВАРВАРСКИЙ ЭТОС

Сведения о нем были получены лишь в XVIII—XIX столетиях, когда стали изучать «варварские правды»¹⁹, характеризующие регуляцию социальных отношений на территориях варварских королевств, а также в полевых научных этнографических исследованиях. В частности, в исследованиях горцев Кавказа отечественными учеными П. С. Палласом, Г. Ю. Клапротом и другими и российскими офицерами Кавказской линии. Помимо обычаев кровной мести, куначества и аталычества (особой формы воспитания детей знати в чужих семьях с целью выработки у них навыков ведения боя и выживания в тяжелых условиях²⁰), все они отмечали распространенный не только в среде знатных (дворянских и княжеских) семей, но и в среде пахарей и косарей Кавказа *феномен джигитства*: особого стиля жизни, подразумевавшего право каждого мужчины на походы и набеги.

Например, офицер Генерального штаба Л. Л. Штедер, командированный в 1781 г. на Кавказ для создания военной топографической карты путей, ведущих в Грузию, писал в своем дневнике, что основным занятием горцев являются охота, война и разбой. Последний почитается доблестью. «Юноша доказывает свои способности воровскими набегами; даже грабеж на большой дороге укрепляет его славу, а смерть придает ему вид героя». Нередко юноши объединялись в отряды. Один из таких отрядов в 30 человек, отмечает Штедер, он не только встретил, но и провел среди них несколько дней²¹. Другой иностранец на русской службе, штабс-капитан (а позже генерал) Иоганн Бларамберг, спустя 50 лет отмечал подобное: «Осетины, так же как и большинство их соседей, склонны к грабежу. Молодые люди доказывают свою ловкость мелкой кражей, грабеж укрепляет их репутацию, а когда они совершают убийства — становятся знаменитыми героями. Осетин хвалится мошенничеством, он гордится, совершив убийство или кровную месть. Однако после экспедиции 1830 года они успокоились, и надо надеяться, что этот народ постепенно воспримет цивилизацию»²².

Впоследствии так, разумеется, и случилось. Но обратим внимание на одно обстоятельство: схожесть обычаев горских народов XVIII—XIX столетий с образцами воспитания и поведения юношей времен архаичной Спарты, которые периодически совершали набеги на соседние деревни

¹⁹ Записи норм права, действовавших у древнегерманских народов в период складывания у них государства, составлены в V—IX веках. Самая ранняя из всех сохранившихся варварских правд — Вестготская правда (вторая половина V в.). В конце V — начале VI вв. была составлена Бургундская правда, в VI в. — Салическая и Рипуарская правды, в VII в. — Англосаксонские правды и Эдикт Ротари (Лангобардская правда), в VII—VIII вв. — Баварская и Алеманнская (Швабская) правды, в конце VIII — начале IX вв. — Хамавская правда, а также Саксонская, Тюрингская и Фризская правды.

²⁰ Поэтому, например, грозный хан Золотой Орды Узбек (1313—1342) в течение 13 лет воспитывался в Черкесии и хорошо освоил адыгский язык. См.: Мальбахов Б. Средневековая Кабарда / Б. Мальбахов, А. Эльмесов. Нальчик, 1994. С. 6—9.

²¹ Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году. Владикавказ : СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. С. 65—68, 105.

²² Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / пер. с франц., предисловие и комментарии И. М. Назаровой. М. : Изд-во «Надыршин», 2010. С. 244.

илотов, грабили их, а самых сильных мужчин убивали. Также они убивали животных и грелись в их внутренностях. Одновременно их учили говорить лаконично и быть сдержанными в проявлении эмоций и чувств. «Я никогда не видел, чтобы черкес приласкал своего ребенка», — писал корреспондент лондонской газеты «Таймс» Дж. Лонгворт, в 1839 г. побывавший на Северном Кавказе. Он же отмечал демократический характер отношений между этническими группами, жившими вдоль побережья Черного моря, которые собирались для решения спорных вопросов на «народные собрания», где преобладали «величайший порядок и этикет»²³. Отличительными чертами этих народных ассамблей, по его свидетельству, были терпение, умеренность и спокойствие. О том же, а также о сложной системе регуляции социальных отношений на основе обычного права и древнего кодекса чести можно прочесть в сборнике Ф. И. Леонтовича «Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа» (Одесса, 1882–1883)», собранные в 40–60 годах XIX века офицерами Кавказской линии²⁴.

Одним из таких офицеров был наш великий поэт Михаил Лермонтов, в творчестве которого горцы предстают как люди слова и чести. Вот как он в поэме «Измаил-Бей» живописал образ жизни горских народов Северного Кавказа: «И дики тех ущелий племена, // Им бог — свобода, их закон — война, //... Там поразить врага — не преступленье; // Верна там дружба, но вернее мщенье; // Там за добро — добро, и кровь — за кровь, // И ненависть безмерна, как любовь». А в поэме «Белец» мать отказывает сыну, бежавшему с поля боя в убежище: «Ты умереть не мог со славой, // Так удались, живи один. // Твоим стыдом, беглец свободы, // Не омрачу я стары годы, // Ты раб и трус — и мне не сын!..»

Эту реабилитацию варварства и варварского менталитета можно встретить не только во многих произведениях Лермонтова, но и в произведениях Пушкина (поэма «Цыганы», очерк «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», поэма «Тазит»), Шиллера («Разбойники») и других романтиков. Она же содержится в монографии современного автора Питера Хизера «Великие завоевания варваров. Падение Рима и рождение Европы» (2016), где в качестве характерных черт варварского этоса отмечались воинская доблесть и храбрость, честь и верность, социальная сплоченность и взаимовыручка.

Почему же теперь варварство обросло негативными коннотациями, а использование этого термина где и как попало стало чуть ли не хорошим тоном добротного академического исследования?

Лежащий на поверхности и самый простой ответ следует искать в феномене научной моды, благодаря которому некоторые научные категории (например, парадигма), теряя первоначальный научный смысл, наделяются новыми, не свойственными им ранее значениями. По-видимому, это связа-

²³ Лонгворт Дж. Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974. С. 531–584.

²⁴ В 1825 г. были письменно зафиксированы нормы адата в Кабарде, в 1843 г. подготовлен сборник адата Чечни и Малой Кабарды, в 1845 г. записаны адаты Адыгеи. В 1865 и 1866 гг. подобная работа была проведена в горных округах Дагестанской области.

но с нехваткой новых категорий для анализа усложняющейся социальной действительности. И тогда используются старые, добрые дефиниции, содержание которых неоправданно расширяется. В итоге появляются, например, вот такие высказывания уважаемых специалистов: «Полагаем целесообразно отнести к „новым варварам“ последователей разных политических сил и взглядов, в равной степени как агрессивных традиционалистов, так и либералов, „защитников“ прав разного рода меньшинств, практики которых предполагают насилие в отношении большинства — унижение, попрание законов и норм общежития, уничтожение объектов культурного наследия и исторической памяти. С этой точки зрения и сторонники Трампа, штурмующие Капитолий, и последователи BLM, требующие не столько уважения прав меньшинства, сколько унижения и дискриминации большинства и реинтерпретации прошлого, проявляют себя как „новые варвары“»²⁵.

Отождествление многочисленных современных политических и культурных протестных движений с «новым варварством» покоятся на двух теоретически спорных основаниях: тезисе о том, что варварство есть порождение цивилизации и ошибочном отождествлении варварства исключительно с актами насилия, разрушения, жестокости и духовного одичания. Впечатляющие примеры точно таких же форм поведения «цивилизованных» людей прошлого (зверского насилия ассирийских воинов, названного «ассирийским безумием», разрушения языческих храмов, уничтожения бюстов и статуй, библиотек христианами времен поздней римской империи и другие акты вандализма) в расчет не берутся. Возможно, это связано с выросшим из античности и укоренившимся в европейских языках и культурах архетипическим представлением о варварстве как антипode цивилизованному способу существования. Но это верно лишь отчасти.

Каждая крупная цивилизация действительно субъективно формирует дуальную оппозицию «варварство — цивилизация»: создает свой образ «варвара», имеющий мало сходства с реальностью. Но исторически феномен варварства не был порождением цивилизации: каждая локальная цивилизация, помимо прочего, вырастала из предшествующего ему варварского состояния народов, населявших ту или иную территорию. Оно до сих пор присутствует у так называемых малых народов, компактно проживающих в труднодоступных местах. У них по сей день сохраняются архаичные формы совместной жизни (роды, кланы и племена) с патриархальными институтами (кровная месть, советы старейшин) регуляции социальных отношений. Их можно именовать анклавами варварства в цивилизованной среде. Но в целом варварство как стадия и тип исторической эволюции человечества осталось в прошлом.

²⁵ Зарубина Н. Н. «Новое варварство» в цивилизационной перспективе: воздействие на человеческий капитал / Н. Н. Зарубина, С. А. Кравченко // Полис. Политические исследования. 2022. № 1. С. 31–44. С. 36.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

В качестве примера можно привести сообщество (народность) *ицзу* (*носу*) в высокогорном районе Ляншань китайской провинции Сычуань. Для европейцев его в конце 1950-х открыл и описал в книге «Рабы прохладных гор» корреспондент английской газеты «Дейли уоркер» в Пекине Алан Уиннингтон²⁶. А собственно этнографическое исследование было сделано советско-российским исследователем Р. Ф. Итсом, который отмечал, что в этом архаическом обществе существовало четыре «сословия», из которых одно — «черные» (*ицзу*) в противоположность подчиненным «белым» было высшим, благородным и потому трудовой деятельностью не занималось. Остальные три сословия находились в разной степени зависимости — от полукрепостной до рабской.

Такая ситуация начала складываться еще с VII–IX вв. в связи с тем, что скотоводческие племена подчинили себе земледельцев. Как и их предки, это горское общество ляншаньских ицзу поддерживало свое существование периодическими набегами на жителей равнин — ханьцев, обращая их в рабов. К примеру, в 1919 г. ляншаньцы захватили и увезли в горы более 10 тыс. жителей из соседних уездов. Общее население ляншаньских ицзу в начале XIX в. было небольшим — около 10 тыс. человек. Но в 1838 г. оно составляло уже 40–50 тыс., а в 1910 — 200–300 тыс. Оно продолжало увеличиваться, достигнув в середине 1950-х годов 630 тыс. человек, из которых 50–60 тыс. составляли неассимилированные рабы-ханьцы²⁷.

Те, кто знаком с историей народов Северного Кавказа (и других горских народов), столетиями живших разбоями, грабежом и набегами на соседей, которых обращали в рабство, без труда найдут параллели с ляншаньскими ицзу²⁸.

Приложение 2

В отличие от блестящей и широко известной работы Марселя Мосса «Очерк о даре. Форма и основания обмена в архаических обществах»²⁹, где «потlach» рассматривается как распространенная у всех архаиков за пределами Евразии (Австралии, Полинезии и др.) морально-юридическая форма договора и экономический институт тотальных поставок, в нашем случае термин «потlach» берется в более узком значении: значении специального праздника, распространенного у тлинкитов, хайда, танайна, квакиютль, бела кула, атапасков и других индейских племен Северо-Западного побережья Америки, от Аляски до Орегона. Это празднество, устраиваемое

²⁶ Уиннингтон А. Рабы прохладных гор. М.: Иностранная литература, 1960.

²⁷ Итс Р. Ф. К вопросу о социально-экономическом строе ляншаньской группы народности «и» / Р. Ф. Итс, А. Г. Яковлев // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л., 1967. С. 79–80.

²⁸ Подробнее см.: Иноземцева Е. И. Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2014.

²⁹ См.: Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / сост., пер. с франц., предисловие, вступит. статья, комментарии А. Б. Гофмана. М.: Изд-во КДУ, 2011. С. 134–285.

по случаю свадьбы, поминок и другим поводам сопровождалось не только ритуальными плясками, но и раздачей подарков гостям, в ходе которой растрчивалось (а иногда намеренно уничтожалось: сжигалось или выбрасывалось в море) все накопленное ранее имущество устроителя. Разумеется, социальная система, в основе которой лежало безвозмездное перераспределение накопленных богатств, была абсолютно непонятна европейцам. «Представляется совершенно невозможным, — писал один из ранних исследователей вопроса, — чтобы индейцы смогли перейти к преумножению своих богатств или стали более трудолюбивыми, пока они находятся под влиянием этой дикой мании». Эта убедительная с точки зрения европейского мышления аргументация привела к тому, что канадское правительство в 1885 г. запретило проведение потлачей.

Однако несмотря на запрет, индейцы еще много лет продолжали следовать традиции. Так, «на святки 1921 года Дэн Кранмер, знатный квакиютл с побережья залива Алерт-Бэй, что в провинции Британская Колумбия, устроил грандиозное пятидневное празднество — с раздачей подарков всем приглашенным гостям и ритуальными танцами. Три сотни человек стали свидетелями того, как Кранмер раздарил все свое имущество, а также имущество своей семьи и семьи жены. В числе прочего он раздал двадцать четыре каноэ, четыре моторные лодки, триста дубовых столов, одеяла, керосиновые лампы, скрипки и гитары, кухонные принадлежности и швейные машины, граммофоны, кровати и письменные столы, платья, шали и браслеты женщинам, рубашки и свитера молодежи, пригоршни мелких монеток детям. На пятый и последний день хозяин праздника раздарил собравшимся сотни мешков с мукой, по три доллара каждый. Таков был знаменитый потлач Кранмера, один из крупнейших за всю историю народа квакиютл.

Но потлач Дэна Кранмера прославился не только количеством и ценностью подарков. Пятидесяти двум участникам церемонии власти предъявили уголовные обвинения, двадцать два из них отправились на два месяца в тюрьму, остальные получили отсрочку исполнения приговора при условии добровольной сдачи танцевальных масок, церемониальных свистков, щитов из кованой бронзы и прочих ритуальных принадлежностей потлача. Так канадские власти пытались покончить с запрещенным праздником...»³⁰.

Запрет на потлачи действовал до 1951 г. А после его отмены потлач вновь стал легальным празднеством, хотя и в менее ярких формах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аршинов В. И.* Реляционно-трансдуктивное мышление как аспект мышления-вместе-со-сложностью / В. И. Аршинов, Я. И. Свирский // Наука и феномен человека в эпоху цивилизационного Макросдвига / отв. ред. В. Г. Буданов, Л. П. Киященко.. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2024. С. 158–266.

³⁰ *Бабенко Н.* Потлач // Вокруг света. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1755/?ysclid=mg2kvu40mz172476029>.

2. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / пер. с франц., предисловие и комментарии И. М. Назаровой. М. : Изд-во «Надыршин», 2010.
3. *Буданова В. П.* Варвары и варварство в антропологии цивилизаций // *Цивилизация и варварство*. Вып. 1. 2012. № 1. С. 10–46.
4. *Гизо Ф.* История цивилизации в Европе. М. : Территория будущего, 2007. С. 24–25. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2874165.
5. *Глезеров С.* Дуэль аббата и императрицы // *Санкт-Петербургские ведомости*. 2022. 27 июля. № 136 (7219).
6. *Гранин Ю. Д.* Цивилизация и цивилизационная эволюция России // *Вопросы философии*. 2020. № 12. С. 34–44.
7. *Гранин Ю. Д.* Бесконечная имперскость России. Цивилизационное измерение // *Вопросы философии*. 2022. № 9. С. 76–85.
8. *Гранин Ю. Д.* Расово-этнический баланс цивилизаций // *Гуманитарный вестник МГТУ им. Н. Э. Баумана*. 2024. № 3. С. 35–52.
9. *Гринин Л. Е.* О социальной эволюции как части мегаэволюции / Л. Е. Гринин, А. Л. Гринин // *Философия и общество*. 2024. № 2. С. 5–34.
10. *Гутнов М. Х.* Эволюция потестарных традиций осетин // *NARTAMONGÆ*. 2018. Vol. XIII, № 1, 2. С.218–248.
11. *Джонсон А.* Эволюция человеческих обществ: От добывающей общины к аграрному государству / А. Джонсон, Т. Эрл; пер. с англ. И. В. Кузнецова, Е. Веремеевой; науч. ред. перевода О. Маслова-Вальтер, М. Маяцкий. М. : Изд-во Института Гайдара, 2017.
12. *Зарубина Н. Н.* «Новое варварство» в цивилизационной перспективе: воздействие на человеческий капитал / Н. Н. Зарубина, С. А. Кравченко // *Полис. Политические исследования*. 2022. № 1. С. 31–44.
13. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М. : Прогресс, 1987.
14. *Классен Х. Й. М.* Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // *Альтернативные пути к цивилизации* / ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. 2000. М. : Логос. С. 6–23.
15. *Коротаев А. В.* Альтернативы социальной эволюции (Вводные замечания) / А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин, В. А. Лынша // *Альтернативные пути к цивилизации: кол. монография* / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М. : Логос, 2000.
16. *Лонгворт Дж.* Год среди черкесов // *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов*. Нальчик, 1974. С. 531–584.
17. *Мальбахов Б.* Средневековая Кабарда (внутренние и внешние аспекты истории) / Б. Мальбахов, А. Эльмесов. Нальчик : Эльбрус, 1994.

18. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / сост., пер. с франц., предисловие, вступит, статья, комментарии А. Б. Гофмана. М. : Изд-во КДУ, 2011.
19. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М. : Прогресс, 1987.
20. Пелипенко А. А. Постижение культуры: в 2 ч. Ч. 1. Культура и смысл // Российская политическая энциклопедия: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2012.
21. Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Волгоград : Учитель, 2006.
22. Смирнов А. В. Смысл и вариативность разума // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 2. С. 5–17.
23. Стёпин В. С. Культура / В. С. Стёпин, Л. Г. Ионин // Гуманитарный портал: концепты. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6859>.
24. Тацит Корнелий. Соч.: в 2 т. Т. 1. Л. : Наука, 1970.
25. Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. Владикавказ : СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2016.
26. Филюшкин А. И. Как Россия стала для Европы Азией? // Ab Imperia. 2004. № 1. С. 10–48.
27. Цезарь Гай Юлий. Записки о галльской войне. Книга 1. URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/127699/111379411/&art=127699&user=312290411&uilang=ru&catalit2&track_reading&fb3_master.
28. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2 т. СПб. : Университетская книга, 2001. Т. 2. С. 162–164.
29. Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России. Ст. I. Варварство: социологическая модель // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 66–78.

Поступила в редакцию 09 марта 2026 г.;
одобрена после рецензирования 16 марта 2026 г.;
принята к публикации 20 марта 2026 г.